

ятым любимцу» («Житие», стр. 58—59). Вряд ли читатель книги мог удержаться от злободневных сопоставлений, читая следующие строки: «... было сие государственование любимцев, налогов самовольных, могущих толь изрядно подтверждать указы и объявления, наконец было оно отроческих забав и негодных. В недре безделиц, в коих двор упражнялся, породилось похлебство и ласкательство... Увидели, что настал по них язык льстивый и женственный от подлости и неволи, который стал быть языком всенародным, придворным, градоначальническим и церковным» («Житие», стр. 41—42).

Противопоставление просвещенного царствования самовластному и порочному правлению, данное в «Житии» в историческом плане, в «Анализе» заключено в четкие формулы афоризмов, общих выводов, легко применимых к конкретным условиям.

В «Сокращении философии» настойчиво проводилась мысль, что властители должны избегать следовать своим произвольным страстям и руководствоваться интересами народа и государства. Неограниченное самовластие, презрение к доводам разума, к советам просвещенных и мудрых людей — вот что решительно осуждалось в книге. Идеалом властителя были представлены, конечно, государи-философы, хотя и они, по мысли автора, не застрахованы от пагубного разврата власти. Это твердо высказано уже в первой главе «Сокращения»: «... государи-философы делают достоверным счастье народов и благополучие государств. Хотя они, как и прочие обладатели, и имеют пороки человечества и собственного того состояния: однако просвещение, почерпаемое ими в приобикновении к размышлению, есть предохранительным врачевством на наглые и неизлечимые излишества их страстей: книги им на меньшей конец говорят, когда их совет умалчивает» («Сокращение философии», стр. 8). Переводчик недаром находит здесь такие злые слова; то, что Елизавета Петровна, лишь изредка отрывавшаяся от веселых оргий для дел, злоупотребляла «пороками человечества», столь же несомненно, как то, что ей были свойственны и пороки «собственного того состояния», т. е. самодержавной власти.

Ход рассуждений в книге о Бэконе все время шел от предпосылки, что монархическая форма правления, основанная на доброй воле и разуме, есть нормальная форма государственности. Однако книга давала представления и о других возможностях общественного устройства и, в частности, о республике. В главе «О благодорстве» произведено даже плохо замаскированное сравнение между монархией и республикой с выводом в пользу последней. «Добрая демократия, — читаем мы в переводе, — не имеет нужды в благодорстве (в знати, в вельможах, — В. Л.): государство без него тем спокойнее бывает и в лучшей безопас-